

И. КАЗЛАУСКАС

О МЕСТЕ ВОЗВРАТНОЙ МОРФЕМЫ И ЕЕ УДАРЕНИИ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

В литовском языке при помощи морфемы *s(i)* местоименного происхождения образуется категория возвратных глаголов, по многим своим значениям соответствующая медиальному залогу известных индоевропейских языков. Оставляя сложный вопрос образования данной категории в стороне, мы коснемся только определенных деталей, без выяснения которых и решение кардинальных вопросов вряд ли возможно. Одной из таких деталей является вопрос о месте возвратной морфемы в глагольной словоформе. В настоящее время место указанной морфемы в первую очередь зависит от образовательного типа глагола. Так у простых глаголов во всех диалектах литовского языка возвратная морфема находится в конце глагольной словоформы, составляя таким образом показатель агглютинативного типа, ср. *prausia-s(i)*, *neša-s(i)* и др. Сложнее дело обстоит с местом этой морфемы у приставочных глаголов. В литературном языке и почти во всех аукштайтских говорах (южных, центральных и восточных) у приставочных глагольных словоформ возвратная морфема находится после приставок перед глагольным корнем, ср. *pa-si-bara*. В северо-западноаукштайтских и во многих жемайтских говорах положение данной морфемы в приставочных глаголах зависит от типа приставки. Так после приставок, по своему происхождению представляющих наречия (*praeverbia*), возвратная морфема может находиться перед глагольным корнем, ср. *nu-si-neš(a)*, но после приставок, которые по происхождению являются частицами (*be-*, *te-*, *ne-*, *tebe-*), указанная морфема, как правило, находится в конце глагола (как и у простых глаголов), ср. *bè-šneka-s(i)*, *tè-neša-s(i)*, *tebe-spárdo-s(i)*, *nè-neša-s(i)* и т. д. В глаголах с названными приставками (частицами по происхождению) возвратная морфема перед глагольным корнем употребляется очень редко. Встречаются в данных говорах приставочные глагольные словоформы с двумя возвратными морфемами — одной перед глагольным корнем и другой в конце глагольной формы, ср. *pa-si-geria-s*, *neât-si-mena-s* и т. д. Это явление объясняется тем, что здесь проявляется тенденция считать именно

конечный *-s* дифференциальным признаком возвратности по модели приставочных возвратных глаголов с приставками (частицами по происхождению) и простых возвратных форм. В силу названной тенденции нередко в одних и тех же жемайтских говорах положение возвратной морфемы и в приставочных глаголах с приставками наречного происхождения может быть во многих случаях различным, ср. *ap-si-pilti* и *apipiltie-s*, *iš-si-miegóti* и *išmiegótie-s*, *į-si-lipti* и *įliptie-s*, *į-si-sėti* и *įsėti-s* и т. д. В некоторых случаях в северозападножемайтских говорах (Kretinga и др.) различное место возвратной морфемы используется для противопоставления приставочных переходных (активных) глаголов непереходным (медиальным) глаголам, ср. непереходные (медиальные) глаголы с возвратной морфемой после приставки и те же переходные (активные) с возвратной морфемой в конце формы: *atsiràsti* „найтись, появиться“ и *atràsties* „найти, находить (что-нибудь для себя)“, *pasimèsti* „потеряться, пропасть“ и *pamèsties* „потерять (самому)“, *prasigérti* „пропитаться“ и *pragérties* „пропить“, *pasitráukti* „удаляться“ и *patráukties* „потянуть, потащить“, *susibárti* „поссориться“ и *subárties* „ругнуть“ и т. д.¹ Возникновение второй пары данного противопоставления несомненно является новым.

Таким образом, в ареале литовского языка мы сталкиваемся по существу с двумя моделями образования возвратных форм: 1) прибавление возвратной морфемы в конце у простых глаголов, назовем ее условно суффиксальной, и 2) помещение возвратной морфемы между приставками и глагольным корнем у приставочных глаголов с приставками наречного происхождения, назовем ее вставочной. Как указывалось выше, суффиксальная модель в известных говорах встречается и у приставочных глаголов с приставками-частицами по происхождению, в то время как в других говорах у данных глаголов употребляется вставочная модель. В определенных случаях глаголы с приставками-частицами по происхождению и своим ударением отличаются от приставочных глаголов, имеющих приставки наречного происхождения. Так во многих одних и тех же аукштайтских говорах часто употребляемые глаголы *gùli*, *tùri*, *gàli* с приставками наречного происхождения имеют ударение на приставке, ср. *pàguli*, *pàturi*, *išgali*, а с приставкой-частицей по происхождению *ne* — на

¹ Примеры взяты из рукописи J. Aleksandravičius, Kretingos tarmė. Интересно отметить, что в вышеуказанных говорах возвратным могут быть многие непереходные глаголы, которые в других литовских говорах обычно не бывают возвратными. Возвратная морфема выражает субъектную заинтересованность в действии, ср., напр., *išėitias* „выходить (самому)“, *nuvažiūoties* „поехать (самому)“, *prarytias* „проглотить (самому)“ и др.

корне глагола, ср. *negùli*, *netùri*, *negāli*. Это указывает на более позднее срастание частиц с глаголом в единый фонетический комплекс. По-видимому, частицы срослись с глаголом уже после разрушения прежней единой системы ударения глаголов с превербами (с ударением на превербе)² и образования двух моделей ударения приставочных глаголов: одной — с ударением на приставке (более древняя) и другой — с ударением на глагольном корне (новая). Поэтому при срастании частиц с глаголами могли использоваться уже обе модели ударения (в одних случаях — новая, в других — древняя). Более поздним срастанием частиц с глаголами в единый фонетический комплекс легко объясняется и суффиксальная модель образования возвратных форм от глаголов с приставками-частицами по происхождению в вышеуказанных говорах (здесь частицы просто срослись с готовыми возвратными формами). Однако во многих говорах, не смотря на более позднее срастание с глаголами частиц, чем превербов, при образовании возвратных форм используется вставочная модель, причем скорее всего она в этом случае является вторичной, вытеснившей суффиксальную модель из-за тенденции к единой модели образования приставочных возвратных форм (ср. еще *nenóris*, *nebèginējasi*, *netùrisi* и др. Zietela).

Обе модели (вставочная и суффиксальная) известны и латышскому языку³. Во многих латышских говорах, как и в литовских жемайтских, проявляется тенденция к установлению единой суффиксальной модели образования возвратных форм, только здесь данная тенденция часто доведена до конца. Причины ее в латышском языке, по-видимому, те же самые, что и в литовском. На одинаковые причины этого явления указывает и то, что в латышских говорах, как и в вышеуказанных литовских, встречаются случаи употребления двух возвратных морфем: одной — после приставки перед глагольным корнем, другой — в конце глагола. Ввиду скудости и недостоверности сохранившегося материала, более сложно обстоит дело в прусском языке. Сохранившийся прусский материал в данном случае является индифферентным. Правильно интерпретировать его можно только исходя из общей линии развития возвратных форм в балтийских языках, чтобы не придавать особого значения калькам или просто „изобретательности“ переводчика, дословно переводившего немецкий оригинал. Поэтому, нам кажется, что раздельное написание возвратных глаголов (*sien signāt*, *sien audāst* и т. д.) отражает или

² См. нашу статью в первом выпуске данного издания.

³ См. J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, Rīgā, 1951, 910; M. Rudzīte, *Latviešu dialektoloģija*, Rīgā, 1964, 141, 244 и след., 378 и след.

кальку, или „изобретение“ переводчика⁴, а отражением действительно прусских норм является написание типа *dātunsi*⁵. Написание типа *etlāikusin*, *audasseisin* и др. указывает на суффиксальную модель образования возвратных форм от приставочных глаголов. Следовательно, этим прусский язык более напоминает латышский и литовские жемайтские говоры.

Вышеописанные две модели образования возвратных форм (вставочная — от приставочных глаголов с превербом; суффиксальная — от простых), по-видимому, являются общебалтийскими (в смысле распространения) и немотивированными с точки зрения балтийских языков. Несомненно, это отзвук глубокой древности⁶.

Остановимся еще на ударении возвратных глаголов. Возвратная морфема, находящаяся перед глагольным корнем, может быть ударной или безударной. Ударной она бывает во всех тех случаях, когда ударными являются и приставки наречного происхождения, ср. *pasikelia* и *pākelia*, *pasīma* и *pāima* (но *išsiliejo* и *išliejo*). Суффиксальная возвратная морфема обычно является безударной.

Однако в древних памятниках литовского языка и в современных диалектах, причем иногда не имеющих общих границ, встречаются реликты конечноударенных возвратных форм. Некоторые из них давно известны науке, ср. *iūkės* DP 104₃₇, *iūkės* DP 518₂₉, *kelės* DP 576₄₈ || *kėlės* DP 79₂₂, *kėlės* DP 210₁₅, 334₄, 337₁₅, *likós* DP 52₁₈, *atlikós* 468₁₄, *sedós* DP 532₂ || *šėdos* DP 476₆, *stiojós* DP 2₅₂, 231₁₂, 403₄₇, 438₃₉ || *stiojós* DP 3₂₆, 28₁₅, 40₃₃, 235₂, 318₃, 438₅₆, *stiojós* DP 39₂₄, 195₁₂, *teikės* DP 40₃₀, 442₁₅, *teikės* 487₃₅, *tėikes* DP 5₅₁, 40₅₄, *tėikeš* DP 442₁₄, *tikós* DP 228₄₄, 512₄₂ || *tikoš* DP 58₃₆, *ižpažinós* DP 586₃₁; *weikės* 537₄₃, *gulėsi*, *sėdasi*, *sėdosi*, *stojosi*, *metėsi*, *radosi*; *radōs*, *rinkōs*, *sėdaūs*, *sėdōs*, *stojōs*, *skutėš*, *kėlėš*, *džiaugėš*, *ėmėš*, *kėlėmėš*, *stvėrėš*, *vertėš* в восточных и южных диалектах Литвы⁷. К данным фактам можно еще прибавить инфинитивы *dėtis*, *duotis*, *gultis*, *imtis*, *klaustis*, *laistis* (= *leistis*), *mestis*, *rastis*, *renktis*, *sėstis*, *stotis*, *vilkctis*; формы презенса *jimasì*, *randasì*, *renkasì*, *stojasì*, формы претерита *darėsi*, *dėjosi*, *gulėsi*, *jėmėsi*, *laidosi* (= *leidosi*), *mėtėsi*, *radosi*, *rinkosi*; *davėsi*, *mėtėsi*,

⁴ Это не нуждается в особых доказательствах, так как в прусском языке существовало местоимение *sien*, по значению вполне соответствующее немецкому *sich*.

⁵ Иначе это объясняет Я. Эндзелин, см. J. Endzelin, *Altpreussische Grammatik*, Riga, 1944, 191.

⁶ В последнее время по этому поводу см. В. В. Иванов, *Хеттский язык*, Москва, 1963, 184, а также тезисы его доклада, см. Конференция по вопросам балтийских языков, Вильнюс, 1964.

⁷ P. Skardžius, *Daukšos akcentologija*, Kaunas, 1935, 201; Chr. Stang, *Slavonic Accentuation*, Oslo, 1957, 160.

radōsi (наряду с накоренным ударением — *gùlēsī, jēmēsī, mētēsī, rādōsi* и т. д.); формы футурума: *dēsīs, duosīs, laisīs (= leisīs), rasīs, stosīs, renksīs*, формы императива *gulkīs, rinkīs, sēskīs, stokīs; gulkimēs, rinkimēs, sēskimēs; gulkitēs* (Zietela⁸). Ср. еще целые парадигмы некоторых глаголов в Зетельском говоре:

sēdaūš, stojaūš, sēsīuōš, stosiūš, renksīuōš;
sēdaīs, stojaīs, sēsīēš, stosiēš, renksiēš;
sēdosī, stojosī, sēsīs, stosīs, rinkīs;
sēdomēs, stojomēs, sēsīmēs, stosīmēs, rinksimēs;
sēdotēs, stojotēs, sēsītēs, stositēs, rinksitēs.

Кроме того, в северозападножемайтских говорах употребляется конечноударенные возвратные формы пермиссива, образованного из форм 3-го л. презенса и частицы *ta-* (= литер. яз. *te-*), *lai, laigul, tagu (= tegu), tagul (= tegul)*, ср. *tapešās, tasukās, tagulēs, tasēdās, taduodās, tapamiektās, tabarās, tašerās* (= литер. яз. **tešeriās, *tatraukiās, *tamyliās, *lai pešās, *tagul nešās, *laigul sukās* и др. (Kretinga⁹).

Наряду с этими формами употребляются и формы с накоренным ударением. Такого рода дублетные пермиссивные формы здесь имеются у всех глаголов односложной основы с кратким гласным в окончании, в то время как пермиссив глаголов с долгим конечным гласным (*ā*-основным) имеет только накоренное ударение. Сохранению конечного ударения в указанных формах способствовало то обстоятельство, что после отпадения кратких гласных конца слова и ретракции ударения у простых глагольных форм (ср. *tasūka > tasūk > tāsūk*) исходные глагольные формы своей структурой ударения (*tāsūk*) поддержали более древнее ударение той же структуры у возвратных форм (*tāsūkās*). Возвратные формы пермиссива в данных говорах являются сокращенными, т. е. *tāpēšās < *tāpēšāsī* (= *tepešās < *tepešāsī*; морфема *-sī* была заменена *-s* по модели большинства возвратных форм).

Все рассмотренные выше возвратные формы теперь явно выпадают из единой системы ударения глагола и, по-видимому, являются реликтами более древней системы ударения возвратных форм, коренным образом отличающейся от современной. Особенно показательными в данном случае являются вышеприведенные формы пермиссива. Приобретение

⁸ По данным А. Видугириса (рукопись *Zietelos tarmė*).

⁹ По данным И. Александравичюса, см. *J. Aleksandravičius, Kretingos tarmė* (рукопись). Из-за ретракции ударения в говоре фонетически ударным является каждый слог приведенных форм: *tāpēšās* и т. д.

формами презенса с указанными частицами нового значения — значения пермиссива могло на более продолжительное время законсервировать древнее место ударения, что, по-видимому, и случилось.

Какой могла быть та более древняя система ударения возвратных форм, показывают рассмотренные выше ее реликты. По-видимому, когда-то возвратные формы с возвратной морфемой в конце имели ударение на данной морфеме.

Привлекает внимание еще одна деталь. Если отвлечься от конечно ударенных форм пермиссива, то разбросанные на довольно обширной территории южной и восточной Литвы конечноударенные возвратные формы, по-видимому, являются представителями только древней подвижной парадигмы. В латышском языке глаголы акутового корня, соответствующие глаголам с конечноударенными возвратными формами литовского языка всегда имеют прерывистую интонацию, указывающую на былую подвижность ударения данных глаголов, ср. *stojasi* и лат. *stāt*, лит. *kėlėsi* и лат. *celt*, *sėdosi* и лат. *sēst*, *(s)tvērēs* и лат. *tvērt*, *duotis* и лат. *duôt*, *leistis* и лат. *laist*. Найти примеры, где в этом случае литовской акутовой интонации в латышском языке соответствовала бы плавная интонация, нам не удалось. Данное обстоятельство не может значительно влиять на предположение, что когда-то как в глаголах подвижной парадигмы, так и неподвижной при получении суффиксальной возвратной морфемы ударение переносилось на данную морфему. Оно указывает лишь на то, что для более продолжительного сохранения конечного ударения наилучшие условия существовали в подвижной акцентной парадигме, так как некоторое время здесь наряду с конечноударенными возвратными формами существовали и простые формы с конечным ударением, а этого, конечно, не могло быть в неподвижной парадигме.

И еще одна особенность ударения вышеприведенных форм как будто указывает на то, что когда-то и в глаголах, относящихся к неподвижной парадигме, при образовании возвратной формы ударение переносилось на местоименную часть. Мы имеем в виду колебание ударения в конечноударенных возвратных формах между последним и предпоследним слогом в Зетельском говоре, ср. *davėsi* и *davēsi*, *mėtėsi* и *mētēsi*, *radosi* и *radōsi*. Если ударение предпоследнего слога нетрудно объяснить тем, что оно может явиться результатом повсеместного осуществления тенденции к неударности в конце слова возвратной морфемы, то указать причины появления ударения на морфеме *-si* в конце слова вряд ли возможно, опираясь только на современный этап развития, и данное ударение следует считать более древней моделью. А если это так, то она

указывает на былую способность местоименной части перенести ударение на себя и оставить глагол в проклитическом положении. Поэтому можно предполагать, что местоименная часть при суффиксальной модели образования когда-то переносила ударение на себя, а все рассмотренные выше конечноударенные возвратные формы являются реликтами этого состояния. Данное состояние напоминает былое ударение глаголов с превербами, реконструированное нами в вышеупомянутой статье.

APIE LIETUVIŲ KALBOS SANGRAŽINĖS MORFEMOS VIETĄ IR JOS KIRTĮ

Reziumė

Sangražiniams lietuvių kalbos veiksmažodžiams būdingi du darybos modeliai: infiksinis (sangražinė morfema įterpiama tarp priešdėlio ir šaknies, plg. *pa-si-bara*) ir sufiksinis (sangražinė morfema pridedama prie veiksmažodžio formos galo, plg. *nėša-si*). Kai kuriose tarmėse (šiaurės vakarų aukštaičiuos, žemaičiuos) sufiksinis darybos modelis būdingas ne tik nepriešdėliniams veiksmažodžiams, bet neretai ir priešdėliniams, ypač tiems, kurių priešdėliai yra kilę iš dalelyčių, o ne išrieveiksmių, plg. *nėbaras(i)*, bet *pasibara*. Tai straipsnyje aiškinama vėlesniu dalelyčių, negurieveiksmių, suaugimu su veiksmažodžiu į vieningą fonetinį kompleksą ir tendencija į sufiksinio modelio apibendrinimą visiems veiksmažodžiams (tendencija būdinga visoms baltų kalboms). Kadangi infiksinis darybos modelis nėra motyvuotas baltų kalbų dirvoje, jis gali būti žilos senovės atspindys. Remdamasis kai kurių sangražinių formų galiniu kirčiu lietuvių kalbos tarmėse, autorius mano, kad įvardis, suaugdamas su veiksmažodžiu į vieningą fonetinį kompleksą, galėjo įgyti kirtį, palikdamas veiksmažodį proklitinėje padėtyje.